

УДК 39

С. П. Беловолова, В. А. Беловолов**ТРАДИЦИОННАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА АЛТАЙЦЕВ
КАК ФЕНОМЕН МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Определение понятия «традиционная педагогическая культура народа» впервые дано Г. Н. Волковым. По его мнению, *традиционная педагогическая культура – это та сфера материальной и духовной культуры, которая непосредственно связана с воспитанием детей.* Она проявляется в колыбельных и игровых песнях, игрушках и детской одежде, в подвижных играх, детских орудиях труда, в детском питании и правилах кормления детей, в детском фольклоре, традиционных детских праздниках и во многих других элементах народной жизни [1].

Определение «традиционность» несколько сужает понятие педагогической культуры. Она ограничивает педагогическую культуру, включающую, как известно, систему народного образования, состояние педагогической науки, уровень подготовки учителей, педагогическую просвещенность масс, а также индивидуальную педагогическую культуру граждан, отражающую конкретный уровень общественного прогресса, рамками отдельного этноса, народа.

В традиционной педагогической культуре получила отражение эволюция педагогических представлений народа с древнейших времен до настоящего времени. Она неоднородна, поскольку наряду с величайшими достижениями педагогики в ней сохранились предубеждения, предвзятости, предрассудки и суеверия, уходящие корнями в седую патриархально-родовую древность. Такая неоднородность объясняется также историческими условиями жизни народов, неравномерностью их культурного развития.

Любовь к детям – важнейший компонент педагогической культуры человечества и одновременно элемент педагогической культуры и человека. Педагогическая культура отдельной личности и цивилизованном мире не может измеряться любовью только к собственным детям. Эгоистическая любовь исключительно к своим детям как порождение семенного эгоизма была чужда народному воспитанию. Эволюция общественной жизни расширяет общественный кругозор людей, что влечет за собой повышение уровня и педагогической культуры. Высокий уровень педагогической культуры непременно связан с общественными интересами, предполагает беспокойство за судьбы всего человечества, за его будущее. Поэтому разумная любовь к детям при высокой педагогической культуре всегда деятельная, требующая участия каждого и всех в воспитании и перевоспитании подрастающего поколения, а также самовоспитания.

В сфере педагогической культуры народа нет взаимно однозначного

соответствия между знаниями, с одной стороны, умениями и навыками – с другой. В народной педагогике не единичны случаи, когда люди приобретают умения, минуя знания.

Важнейшей особенностью традиционной педагогической культуры воспитания является ее естественность

принципа естественности воспитания, рассматривая ребенка и подростка как способных к саморазвитию, обладающих чувством ответственности за свои поступки. Воспитателями являются семья и взрослые, сверстники и даже младшие, но исходящее от них влияние носит не запретительный (несмотря на систему табу), а свободный характер с целью реализации возможностей ребенка. При этом проявляется непреложность дисциплины естественных последствий, когда наказание или поощрение содержится в самих действиях ребенка. В народной педагогике всегда ценился ребенок, который естественным образом, а не через принуждение, самостоятельно учился думать и принимать решения.

Многосоставной характеристической стороной традиционного воспитания является преемственность педагогической культуры, которая предполагает, как указывал Гегель, не только отмену, но и сохранение, удержание и развитие того рационального, что уже достигнуто на предыдущей ступени развития.

В традиционной педагогической культуре преемственность, по мысли Г. Н. Волкова, предполагает необходимую связь между воспитателями и воспитуемыми, педагогический контакт и поиск действенного единообразия в подходе к воспитанию детей среди самих воспитателей, согласованность между домашним и общественным воспитанием, опорой на достигнутые результаты воспитания для преодоления отрицательных черт поведения, обеспечение правильного соотношения между целями воспитания, учет предыдущего опыта в возрастном развитии. Таким образом, в постоянной преемственной связи оказываются, с одной стороны, методы воспитания и его процесс, уровень воспитанности индивида и народа, а с другой – воспитатели, воспитанники, домашнее воспитание как часть народного, все компоненты воспитания. При таком подходе преемственность не исключает и взаимного проникновения явлений, связанных друг с другом; такое проникновение делает преемственную связь более прочной и устойчивой.

Преемственность осуществляется во времени и пространстве, она обеспечивается природными факторами – наследственностью, генотипом; морально-экономическими – правом наследования, обучением рабочей силы; духовным – воспитанием и самовоспитанием. Природа, социальные условия, педагогические воздействия взаимно усиливают друг друга, препятствуя или содействуя преемственности. Воспитание усиливает преемственность там, где она может существовать и без него. Порою даже стихийный воспитательный процесс, ничем не подкрепленный и функционирующий лишь в сфере подражания, оказывает воздействие на преемственность. Это касается жестов, мимики, походки, манер родителей, воспроизводимых потомками и без воспитательного воздействия; они служат определенными ориентирами в поведении последних. Преемственность в области трудовых интересов иногда может вырасти из простого любопытства и порождаемого им подражания. То же самое возможно и в сфере народного искусства.

Преемственность, в первую очередь, характеризуется таким параметром,

как перманентность педагогического процесса в рамках этнической общности, которая заключается в непрерывном характере педагогического воздействия со стороны не только семейного окружения, но и всех членов общности. Однако в процессе исторического развития общества традиционная педагогическая культура тех или иных народов может подвергаться уничтожению, забвению или застою, а преемственность может быть как непрерывной, так иметь и прерывный характер.

Отличительной особенностью традиционной педагогической культуры является ее синкретичность, поскольку она включает такие элементы духовной и материальной культуры, которые способствуют духовному обогащению новых поколений. В ней соединены важнейшие подвиды человеческой культуры – наука, философия, искусство.

Традиционная педагогическая культура не имеет строгой системы педагогических воззрений. Они представлены в традициях, в разных жанрах народного творчества, в хозяйственных занятиях, в различных сферах общественной жизни и деятельности. Народная педагогика не всегда раскрывает причинно-следственные связи, а часто поднимается лишь до уровня эмпирических обобщений, которые мало связаны друг с другом. Эмпирические обобщения в народной педагогике лишь констатируют некоторую повторяемость явления, и в то же время свидетельствуют о его отрывочности и фрагментарности. Однако это не исключает возможности использования этих наблюдений и обобщений как материала для всестороннего анализа, систематизации и теоретического обобщения.

Народная педагогика – это совокупность накопленных и проверенных практикой эмпирических знаний, сведений, умений и навыков, передаваемых из поколения в поколение преимущественно в устной форме, как продукт исторического и социального опыта народных масс, сохранившийся в устном народном творчестве, обычаях, обрядах, детских играх, игрушках и т. п. [2, с. 11–12]. К этому можно было бы еще добавить, что народная педагогика стоит у колыбели научной педагогики.

Термином «научная педагогика» можно обозначить как отрасль науки, изучающую педагогические знания и воспитательный опыт народа, так и обширную объектную сферу исследования научного и педагогического поиска. В то же время представляется целесообразным терминологически разделить предмет исследования и саму науку. Если строго подойти к использованию термина «народная педагогика», то можно отметить следующее: нередко значение термина сужает, географически и исторически, исследование опыта воспитания рамками самых крупных и позднейших этнических образований, чем допускается игнорирование изучения более мелких и ранних этнических общностей (рода, племени, а иногда даже народности). Поэтому представляется вполне правомерным научно обоснованное строгое разграничение Г. Н. Волковым и Т. Н. Петровой понятий «народная педагогика» и «этнопедагогика». Термин «этнопедагогика» полнее и точнее передает содержание и сущность науки, предметом которой является педагогическая культура народа, которая сложилась и продолжает развиваться в той или иной этнической группе [4].

Одним из главных механизмов существования традиционной педагогической культуры является ориентация на образ идеального, совершенного человека. В народном воспитании представления об идеальных героях, их

характеристики по сути расшифровывают сущность личностей-символов. Формулы народных идеалов у разных народов различные, но по смыслу они очень близки и чаще всего проявляются в доминантных чертах личности, опираясь на которые, следует подготавливать человека к жизни.

В этнической картине мира, или мировосприятии, мировоззрении каждого народа заложены истоки всех проявлений человеческой жизни: это комплекс основных представлений о природном и социальном универсуме, участвующих в общественном сознании данной эпохи и, следовательно, в сознании каждого члена общества, которые наследуются от предшествующего времени, непременно изменяясь, и фиксируются в языке, во всех вообще знаковых системах, они воплощаются в верованиях и привычках сознания. Среди компонентов этнической картины мира можно выделить пространство и время, историю, справедливость, право, отношение мира земного к миру сверхъестественному, восприятие смерти, трактовку личности, детства, семьи, секса, оценку богатства, бедности, другие подобные характеристики. При этом «...картина мира сохраняется на протяжении многих исторических периодов большой длительности; ментальные установки людей меняются чрезвычайно медленно» [3].

Чрезвычайно актуально аналитическое представление этнической картины мира алтайского народа, его ценностных ориентаций, норм поведения с точки зрения их значения для традиционной педагогической культуры, так как именно они определяют и картину воспитательных воздействий в целом.

У каждого народа своя «модель мира», поэтому полное представление всех систем ценностей, бытовавших у народов, невозможно. Целесообразно ограничиться лишь наиболее важными, на наш взгляд, базовыми ценностями, «культурными инвариантами», т. е. общими для всех народов характеристиками.

При этом, поскольку человек пребывает одновременно в трех ипостасях – как существо природное, разумное и социальное, целесообразно распределить материал по трем разделам: природа, человек и общество.

Остановимся на некоторых специфических чертах духовной культуры алтайцев.

Поскольку сама природа мировоззренческого знания ориентирована на изучение проблемы взаимоотношения человека и окружающей его природы, устанавливается, что объективное содержание картины мира было заключено, прежде всего, в природном содержании. Картина мира представлялась в течение многих веков картиной природы. В этой картине человек не противопоставлен миру, скорее, они находятся в отношениях тождества. Идея тождества проявляется во многих ритуалах, обычаях, мифологических текстах. Чтобы сделать любое явление мира умопостижимым, его надо было, прежде всего, уподобить человеку. Например, человек уподоблялся горе, реке и другим природным объектам.

Доминирующее влияние природы на жизнь человека отражалось и в традиционной народной медицине алтайцев. Неслучайно поездка на целебный источник требовала целой системы запретов, нормоустановлений. Выздоровление больного зависело от целого ряда природных факторов. Таким образом, взаимоотношения человека с природой, его поведенческие нормы в окружающей среде были обусловлены однородностью микро- и макрокосма.

Идея «биологической совместимости» всего сущего и идея «родства с

природой» также характерны для мировоззрения алтайцев. Лишь родственные узы могли быть значимыми для общества, в котором иные связи еще не обрели характера доминанты. Например, по представлениям алтайцев, полословная человека связана с миром природных форм. со сферой

разных родов от природных объектов – от гор, деревьев, птиц, зверей.

Одним из древних и распространенных ритуалов у алтайцев является почитание гор. У алтайцев ритуал почитания гор был насыщен отражением охотничьего образа жизни. Большое место занимают горные духи, «хозяева гор», сами горы, которые выступают в представлении алтайцев живыми, способными ходить на лыжах, петь песни, воевать и т. д. Фантастический мир духов гор, или горных хозяев, у алтайцев создан по типу и образу жизни. Ритуалы почитания гор совершались шаманами, стариками, охотниками. Кроме собственных имен, родовые горы носили и особые названия. К родовой почитаемой горе относились с большим почтением, устраивая ей моления. Гора нередко выступала покровителем человека, кровным старшим родственником.

Алтайцы очень тесно связаны с природой. Они почитают природу, как живого человека, и представляют, что в природе каждый объект имеет своего хозяина-духа. Хозяина Алтая называли Алтайдыг ээзи. А горы и большие реки тоже имеют своих хозяев Эля-суу, Эля-туу, или т с-туу, т с-суу,

н-суу. В представлении алтайцев мир имеет трехчленное деление: верхний слой – бог, средний – поверхность земли, подземный – Эрлик.

Неразрывная связь человека и природы, бережное отношение к природе дает возможность человеку выжить в тех суровых климатических условиях, в которых он оказывается.

Вся живая природа Алтая, в представлении его обитателей, так же как и человек, растет, живет, умирает. Птицы и звери, как и люди, имеют семьи, воспитывают детей, обучают их уму-разуму и выпускают в самостоятельную жизнь. Они способны мыслить, радоваться и гневаться, петь и плясать, любить и ненавидеть. Поэтому алтайцы считали, что к природе нужно относиться очень бережно. Алтайцы не позволяли без надобности срезать или ломать ветви, считали, что это дереву больно, цветы должны украшать природу, доставлять радость человеку, в красивой природе человек становится мягче, нежнее, веселее, радостнее. Охотники, пребывая в тайге, никогда ее не засоряли. Они выбирали хорошую, ветвистую ель или кедр и располагались под кронами этих деревьев. В зимнее время делали шалаш. Уходя, они собирали угли и головни, аккуратно их закапывали, а сухие дрова оставляли под деревом. В реку никогда не сливали грязную воду и мусор.

Обращение к вопросу о культе гор и деревьев позволяет представить реальную картину природы, религиозное представление алтайцев о ней и некоторые особенности экологического воспитания алтайских детей. Л. П. Потапов, изучив быт и обычаи алтайского народа, подчеркивал, что общение и связь с природой отражены в верованиях и представлениях, где видимое место занимают обожествления, направленные на охрану растительного и животного мира [5]. Утрата народом представлений о связи людей с окружающей средой негативно отражается на самом человеке. Экологическая культура алтайского народа, в том числе подрастающего поколения, формировалась на протяжении многих веков и сегодня является одной из

ценностей в традиционной педагогической культуре алтайцев.

В культе алтайцев особенно ярко выражено благоговейное отношение к огню. Пламя огня, которое освещает юрты, согревает их, рисуется в представлении алтайцев как живое, покровительствующее им существо. Огонь для алтайцев – самый чистый и почитаемый дух.

Понимание алтайцами мира, окружающей природы было основано в целом на мифологических представлениях. Представление о вселенной и человеке выступает в ряде алтайских мифов о сотворении земли из водного мирового пространства и создании человека из глины. В мифе о сотворении человека отразилось реалистическое мировоззрение, в соответствии с которым творцом тела было высшее светлое божество Ульгень. У алтайцев господствовало представление о подчинении судьбы человека при его жизни Ульгению, а после смерти – Эрлику.

Главными источниками существования алтайцев были скотоводство и охота, поэтому и по мифологическим представлениям земля была населена различными духами, от которых зависело поголовье скота и удача на охоте. Помимо духа – хозяина земли важным был хозяин озера Кер-Балык. Связь с духами у алтайцев осуществляли шаманы, которые во время камланий «действовали» на земле и в мире духов – хозяев мест. Пантеон земных духов на земле у алтайцев был более значительным, чем это известно по камланиям шаманов. Представления алтайцев о верхних «небесных» и нижних «подземных» мирах с их верховными обитателями нашли свое отражение в путях или дорогах шаманов в эти миры во время различных камланий.

По представлению алтайцев, на реальной земле с ее горами, лесами, водами, с реальными людьми, животными, растениями обитают еще и различные духи – доброжелательные и враждебные по отношению к человеку. Самое видное место среди существ этих категорий принадлежит олицетворенным объектам зеленой природы – хозяевам (ээзи) гор, лесов, вод и различных местностей (урочищ, ущелий, источников и т. д.). У алтайцев зафиксирован миф о создании первых людей из глины, точнее, при помощи воды из глины.

Обозначенные космогонические представления алтайцев указывают на этнокультурные связи народов с их далекими историческими предками и этническими предшественниками.

В традиционной культуре алтайцев видное место занимает религия древних тюрков, использовавших шаманизм. Служителями религии были камы – шаманы. В пантеон входили такие божества: Тэнгри (небо), Умай (богиня плодородия), Иерсу (главное божество природы, рек, гор). Почитание этих божеств сохранилось и до наших дней, как и древнетюркские культы: культ огня, гор, рек, деревьев, пещер и т. д.

Для народа Алтая шаманы являлись ведущими фигурами, организующими духовную, а во многом и общественную жизнь, обеспечивающими преемственность между поколениями.

В современной культурной традиции термин «познание» (имеющий непосредственное отношение к образованию, обучению, педагогике в целом) обозначает совокупность всех процессов, посредством которых информация извлекается, перекодируется, усиливается и используется опять-таки для получения новой информации. Фактически в рамках современной культуры наблюдается бесконечный процесс приращения информации, сопровождающийся периодической «переоценкой ценностей», изменяющей только спосо-

бы извлечения и перекодирования информации, но не затрагивающей саму сущность предмета познания. Объяснение факта само становится фактом, требующим объяснения – это близко к тому случаю, о котором К. Д. Ушинский писал как о фактах, порождающих мысль. Процесс познания осуществляется благодаря существованию строго определенной методологией науки «дистанции» между предметом и субъектом познания.

Вместе с тем имеются культурные традиции, в рамках которых познание не сводится лишь к информированности, но существует так же как способность к уподоблению, как способность каждое мгновение жизни строить себя самого по некоторому эталону, модели, образцу.

Анализ глубинных основ традиционной педагогики народа Алтая показывает, что именно в такой форме и осуществляется познание в их традиционных культурах. Обучение строится здесь не как ретрансляция знаний и информации, не как интерпретация данных чувственного восприятия, а как приобщение к чистому, неререфлексируемому исполнению. Очевидно, что здесь имеет смысл говорить уже не о данных чувственного восприятия, а о формообразующих факторах, неизбежным образом определяющих само существование человека. Наблюдаемое явление встраивается, «впитывается» в систему представлений и таким образом интегрируется в картину мира, дополняя ее и в то же время не нарушая ее целостности. Последнее обстоятельство особенно важно с точки зрения экологической «насыщенности» традиционных культур, гармонизировавших отношение этноса и ландшафта (Л. Н. Гумилев). Таким образом, решающее значение в описании педагогических функций шамана приобретает понимание того, что мы встречаемся здесь с совокупностью взаимопроникающих и интенсивно взаимодействующих целостностей: ландшафт, этнос, культура, образ мира, индивидуальная судьба. Обеспечение слитности перечисленных целостностей, снятие их разнородности и разноприродности и выступает как бы в качестве одной из важнейших педагогических функций в деятельности шамана.

В многовековой традиционной культуре народа Алтая познание в его когнитивистском аспекте выступает как приращение информации как таковой. Многочисленные этнографические и археологические исследования показывают практическую неизменность информационного содержания культуры народа Алтая на протяжении как минимум одного-двух последних тысячелетий.

Основой воспроизводства культуры, в чем собственно и заключается функция традиционной педагогики, выступает в таких культурных традициях восприятие. Восприятие здесь – посредник между образом и действием, и, более того, оно неотделимо от образа, и, соответственно, действие является как бы продолжением образа. Выражение рождает ответное выражение, в то время как в современной культуре знак рождает его интерпретацию, выражение – оценку и отношение, т. е. фактически перекопировку. Взаимная функциональная связность образа и субъекта, его фиксирующего, порождает их взаимную обратимость. Все виды и связи между ними оказываются взаимнообратимыми, а восприятие как таковое отсутствует, уступая место спонтанному отклику, выражающему всеобщую выраженность вещей. По существу отклик вторичен, как вторичен и образ, однако взаимнообратимость вещей стирает различия между первичным и вторичным. Повторение превращается в уникальный акт творения. Поведение – в произведение. Взаим-

ная обратимость вещей и событий нарушает границы между ними, Знание человека, погруженного в такую культурную традицию, будучи по своей природе неопишваемым, не излагается, а предписывается. В современных терминах можно было бы сказать, что подобное знание задается не в виде описания, а при помощи алгоритма-ритуала.

Традиционная педагогика народа Алтая – это педагогика, основанная прежде всего на «действии», или, если быть совершенно точным, на нерасчлененном единстве «слова» и «действия», единстве, в котором слова и вещи образуют изоморфный континуум.

Таким образом, становится очевидным, что воспроизводство традиционной культуры народа Алтая, из поколения в поколение обеспечивавшееся функционированием традиционной педагогики, есть ничто иное как воспроизводство целостности ландшафта, этноса, а также способа существования этноса, другими словами – воспроизводство целостного мира, а не отдельного его аспекта.

В традиционной культуре воспитания у алтайского народа содержится огромный созидательный духовно-нравственный заряд.

Библиографический список

1. **Алтайская** литература: хрестоматия / сост. В. И. Чичинов. – Горно-Алтайск, 1973. – 256 с.
2. **Волков, Г. Н.** Чувашская народная педагогика / Г. Н. Волков. – Чебоксары, 1958. – 264 с.
3. **Гуревич, А. Я.** Предисловие к книге Дж. К. Райта «Географические представления в эпоху крестовых походов. Исследование средневековой науки и традиций в Западной Европе» / А. Я. Гуревич. – М., 1988.
4. **Петрова, Т. Н.** Чувашская педагогика как факт мировой цивилизации / Т. Н. Петрова. – Чебоксары, 1996. – 197 с.
- Потапов, Л. П.** Очерки по истории алтайцев / Л. П. Потапов. – М.; Л., 1953. – 444 с.